

фантастическая
история

Юрий Корчевский
Пилот штрафной
эскадрильи

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

фантастическая
история

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Юрий Корчевский
Пилот штрафной
эскадрильи

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Кто говорит, что на войне не страшно,
ничего не знает о войне.

ГЛАВА 1

Михаил с завистью посмотрел в небо, на едва видимый в вышине самолет и инверсионный след за ним. Летают же люди — не то что некоторые. Он со злости пнул колесо Ан-2, или «кукурузника», как прозвали его в народе. Летчики и техсостав называли его более ласково — «Аннушка». Самолет-то хороший был, когда выпускаться начал после войны — в 1947 году.

Теперь уж и не выпускают такие в России, однако клоны его продолжают появляться в Китае, да и в Польше не так давно сняли с производства Ан-3 — тот же Ан-2, только с турбовинтовым двигателем.

Ничего, будет еще и на его улице праздник. Только вот дернул его черт влезть в авантюру, что навязал ему начальник авиаотряда Сергей Николаевич Тутышев.

А как радужно все начиналось! Еще в школе, в родных Ессентуках, Михаил ходил в местный аэроклуб ДОСААФ, впоследствии — РОСТО, занимался парашютным спортом. А потом — почти трехгодичное обучение в Краснокутском летном училище, что в Саратовской области, на отделении производства авиационно-химических работ. В просторечии — сельхоз-авиация.

Попал он на учебу как раз в годы разгула «демократии» — лихие девяностые, когда к власти пришли люди недалековидные, решившие, что на их век летчиков в стране хватит. Вот и сократили численность курсантов,

урезали бюджет. Бензина не хватало, едва удавалось наскрести необходимые для выпуска из училища шестьдесят часов налета, да и то большей частью — на Як-18Т, поскольку выходило экономнее, чем на «Аннушке». И самолеты наши, российские, почти перестали выпускать. Авиафирмы перешли на закупку и лизинг потрепанной зарубежной авиатехники, эдакого «секонд-хенда».

Михаил попал на работу в Брянский авиаотряд, где отлетал в правом кресле второго пилота три года, набирая необходимый налет в тысячу часов. Переучился на командира. Мечта о большом самолете стала ближе. Только и служба поднадоела. Прилетел в колхоз, погрузчиком заливают жидкие удобрения или ядохимикаты — взлет. На пятиметровой высоте, едва не задевая верхушки деревьев, опыляешь участок. Потом посадка, вновь загрузка удобрениями — и новый взлет: пока не обработаешь норму — двести пятьдесят гектаров за день. А потом и колхозы стали нищать, превращаясь в акционерные общества, сельхозартели или сельхозпредприятия. Платить за авиаобработку стало нечем, работы поубавилось. Старые летчики выходили на пенсию, самолеты списывали из-за износа, авиаотряд потихоньку таял, как мартовский снег на солнце. Перебивались разовыми заказами — груз перевезти, людей перебросить. Из-за нехватки вторых пилотов командирам с большим налетом разрешили летать в одиночку.

Вот тогда и затосковал Михаил. Мечта о большом небе и больших самолетах становилась призрачной, как утренний туман. И только случайная встреча с однокашником по училищу вдохнула надежду.

Брянский аэропорт объявили банкротом, Михаил махнул в отпуск в Первопрестольную — и в метро столк-

нулся у эскалатора с Витькой Селезевым. Обнялись на радостях. Виктор спешил очень, телефон свой оставил.

— Вечером позвони обязательно, слышь — не забудь! — крикнул он, садясь в вагон.

Позвонил Михаил вечером. Виктор пригласил посидеть в кафе. Выпили немного, поговорили об однокашниках — кто, где, кем.

— Ну ты про себя расскажи, — потребовал Виктор.

— А что рассказывать? В Брянском авиаотряде, командиром на «Аннушке».

— Женился?

— Нет пока. Девушка хорошая есть, да как жениться, когда сам еще не определился? Жилья своего нет, на съемной квартире обитаю. А ты как?

— О! Я, брат, отлетал три года в правом кресле — и в Москву. Тут аэропорт не один. И возможности шире. В Быково летал вторым на Ил-14, потом переучился, сейчас на Ту-154 вторым летаю. Скажу по секрету, — продолжил Виктор, — я уже договорился перейти на «Боинг-737» — после переучивания, правда. А там, глядишь, и за границу летать буду. Сам понимаешь — другой уровень зарплаты. Вот что, давай я со своим начальством переговорю — может, удастся тебя к нам перетащить. Как?

— Было бы здоровье, — вздохнул Михаил.

— Не дрейфь, под лежащий камень вода не течет.

Посидели, поговорили, выпили еще. Ночью Михаил поразмышлял немного да и отправился утром по аэропортам. Кто его знает, Селезнева-то? Может, потрепался по пьяному делу да и забыл?

Как оказалось, летчики были нужны. Да только когда узнавали в кадрах, что у Михаила нет налета на самолетах даже третьего класса — вроде двухмоторных Ан-24, — делали кислые физиономии.

— Зайдите или позвоните попозже — может, подвернется вакансия.

Вежливо отфутболивали, как понял Михаил. Плюнул он на все да и занялся осмотром интересных мест: сходил в Оружейную палату, в Третьяковку — когда еще в Москву попадешь?

Отпуск закончился, и Михаил вернулся к себе, в Брянск. И тут, как снег на голову, звонок от Селезнева:

— Что, Мишка, не ожидал? Думал, треплется Селезнев? А я договорился насчет тебя. Когда сможешь приехать?

Михаил клятвенно заверил, что в ближайшее время, и помчался к начальнику.

— Какой тебе отпуск без содержания? Ты только из отпуска вышел! — удивился Сергей Николаевич.

— Ну просто горит, как в Москву надо! — взмолился Михаил.

— Никак зазнобу в Москве найти успел? Дело молодое! — Тутышев заговорщицки подмигнул. — Отпуска я тебе не дам, но помочь — помогу.

Михаил наострил уши. Как-то странно начальник выражается: «Отпуска не дам, но помогу».

— «Аннушку» нам надо гнать на ремонт в Балашихинский район, поселок Черное. Это ведь рядом с Москвой. Движок ресурс свой отработал, менять надо. Техника с собой возьмешь — он после ремонта самолет принимать будет. На ремонте ты не нужен — не барское это дело. Вот и получается: вроде и в командировке, и в то же время...

— Я понял, Сергей Николаевич! Спасибо! Когда вылетать?

— Экий ты резвый! Сначала ремтехбаза подтвердить должна, что деньги на их счет поступили. Думаю, дня три-четыре подождать придется.

Обнадеженный Михаил вышел от начальника и позвонил Виктору:

— Вить, дня через три-четыре только получится.

— Хорошо, только долго не тяни, ты не один кандидат.

Дома Михаил собрал документы, приготовил сумку с бритвой и бельем. Невелики пожитки, но и командировка короткая — дня три-четыре от силы.

Через три дня Сергей Николаевич вызвал его к себе:

— Вылетаешь завтра с утра. Все документы на самолет и авизовка у техника.

— Йес, сэр! — гаркнул Михаил, вытянувшись перед начальником.

— Эх, вроде уж вырос из детских штанишек, а все дурачишься.

Михаил нашел самолет, который предстояло перегнать, и техника около него. Это оказался его старый знакомый Сашка Веретенников.

— Этот рыдван на ремонт гнать?

— Почему рыдван? — несколько обиделся техник. —

Вполне приличный летательный аппарат.

— Лет-то аэроплану сколько?

— Почти тридцать.

— Вот! Он меня старше! До Балашихи доберемся без проблем?

— Зуб даю!

— Тогда в шесть утра вылетаем.

Рейс был не графиковый, потому Михаил назначил вылет пораньше, когда болтанка меньше и видимость лучше. И все равно утром — пока к метеорологам за погодой на маршруте, пока в штурманскую за картами да в диспетчерскую — прошел час.

Михаил подошел к самолету, забросил в дверь сумку.

— Эй, Ляксандр! Ты здесь?

— А где ж мне еще быть?

Сашка демонстративно взглянул на часы:

— Я уж и двигатель прогрел.

— Это ты молодец!

Михаил приступил к предполетному осмотру. Понятно, что техник самолет осмотрел и приготовил, но — положено. Инструкции Михаил соблюдал свято: в них каждая строка кровью написана.

Он осмотрел мотор, левое колесо, подергал расчалки биплана, крыло — нет ли струбцин, фюзеляж. Обежал хвостовое отделение, покачал рули высоты. Такой же осмотр самолета он сделал с правой стороны. Все в порядке, лючки закрыты, заглушек и струбцин нет.

Михаил уселся в левое кресло, справа уже сидел Веретенников.

— Ну что, запускаем?

Михаил открыл форточку, крикнул: «От винта!» Пробежал глазами панель приборов, тумблеры. Так, триммеры в нейтральном положении, бензокран открыт. Михаил включил «запуск», нажал кнопку стартера, дождался, пока он наберет обороты, и потянул рычаг на себя. Стартер начал раскручивать двигатель — девятицилиндровый АШ-62ИР.

Винт сделал один оборот, второй — хлопок... Из патрубков вырвалось пламя. Михаил включил магнето, установил сектор газа на 700—800 оборотов в минуту. Двигатель взревел. Манометр показывал три атмосферы в масляной системе, температура газа — 100°С. Пока двигатель молотил на холостых, Михаил связался с диспетчерской вышкой:

— Я — борт 35516, разрешите рулежку?

— Борт 35516, рулежку разрешаю.

Михаил показал знаком механику — убрать колодки! Отжал гашетку тормоза на левой половине штурвала, добавил газа. Самолет, вздымая за собой облако пыли, по-

полз по рулежной дорожке. Двигатель работал устойчиво, без тряски.

— Я — борт 35516, разрешите взлет?

— Борт 35516, взлет разрешаю.

Михаил вырулил на взлетно-посадочную полосу, нажал гашетку тормоза, плавно добавил обороты. Пора! Он отжал гашетку, добавил газу. Самолет начал разбег. На тахометре — 2100 оборотов в минуту, скорость — 80 километров в час. Михаил плавно потянул рычаг на себя. Самолет оторвался от земли, стук колес по швам бетонной полосы прекратился. Внизу промелькнул ближний привод.

«Аннушка» медленно набирала высоту. Пятьсот метров, тысяча... уже полторы. Видимость великолепная: как говорят летчики — «миллион на миллион».

Михаил заложил правый вираж. По карте курс ломаный — сначала на Тулу, потом на Балашиху. Это только несведущему кажется, что самолет должен лететь по прямой — кратчайшим курсом. Нет. Здесь, в небе, проложены невидимые трассы — вроде автомобильных дорог на земле. Ведь существует ряд запретов: нельзя летать над воинскими частями, атомными электростанциями, крупными городами — такими, как Москва. Кроме того, высоту и курс диктует авиадиспетчер, разводя самолеты во избежание столкновения. Правда, последнее больше относится к самолетам реактивным или турбовинтовым. Легкие самолеты вроде Ан-2 или вертолеты летают на значительно меньших высотах.

Внизу расстиались квадратики полей. Миновали Николаевку, где Михаил работал в прошлом году, потом заблестела Велья — в месте впадения в Рессету. Это уже пошла Калужская область.

— Эх, порыбачить бы там! — мечтательно сказал Веретенников.

Михаил разговора не поддержал, поскольку к рыбалке был абсолютно равнодушен. Рыбу он любил, но больше в жареном виде, а еще лучше — в виде шашлыка, да в хорошей компании.

Внезапно двигатель самолета затрясло, начались хлопки в карбюраторе. Температура головок цилиндров поползла вверх.

— Командир, давление масла падает! — закричал Сашка.

— Вижу, — стиснул зубы Михаил.

Мало того — стала падать мощность двигателя.

Михаил начал осматривать местность впереди и по сторонам. Чем хорош Ан-2 — так только тем, что это не реактивный самолет с его большими скоростями. Биплану хватит для посадки и 180 метров — даже на поле, а не на бетонной полосе. И планировать с неработающим двигателем он может, не падая камнем, как турбореактивные машины.

Михаил механически, отработанным движением дернул рычаг стоп-крана на себя, перекрыл бензокран, поставив его в положение «бензин выключен», рычаг газа — в «0». Двигатель встал, но не так, как всегда — теряя обороты, — а почти сразу. Перед капотом торчала лопасть винта. Михаил перевел рычаг шага винта в нейтральное положение, чтобы винт не создавал сопротивления воздуху.

Сашка испуганно притих в правом кресле, поглядывая то на землю, то на Михаила. Придется садиться на вынужденную. Раньше Михаилу проделывать это не приходилось.

Вот вроде бы слева убранный поле, и длина подходящая. Не ошибиться бы — двигатель не работает, уйти на второй круг или подтянуть газком не получится.

Михаил заложил левый вираж, потеряв еще метров сто высоты, нажал кнопку рации.

— Я — борт 35516, остановка двигателя, иду на вынужденную. Нахожусь в районе Новохвостовичей.

Повторить сообщение или дождаться ответа Михаил уже не смог — рация перестала работать, лампочки на панели погасли.

— Электропитание накрылось, — крикнул Сашка.

— Вижу, — отозвался Михаил.

Сашка перекрестился, хотя никогда раньше Михаил не видел, чтобы тот носил крестик. Михаил крестик носил — на серебряной цепочке. Повесили, когда бабушка крестила. Сам же Михаил в Бога не верил и в церковь не ходил.

Земля приближалась. Михаил выровнял самолет по курсу, немного подобрал штурвал, выпустил закрылки. Должны сесть, поле длинное — метров триста, с лихвой хватит. Приборы не работали, но трубка Пито скорость показывала — 100.

«Еще чуть — и сажусь», — решил Михаил. Он мягко подвел биплан к земле, притерся к стерне колесами. Подпрыгивая на комьях земли, стуча колесами, самолет понесся по полю.

— Слава богу, сели! — перекрестился Сашка.

И только Михаил хотел сказать «Не кажи гоп...», как самолет колесами угодил в канаву. Была бы скорость поменьше — обошлось бы. Потому как не канава даже, а ложбинка была. Но самолет задрал хвост, завис на мгновение и скапотировал, перевернувшись на спину. Треск, удар, пыль! Последнее, что Михаил запомнил, — как его выбросило через разбитый фонарь кабины.

Казалось, после аварии прошли всего-навсего минуты, когда Михаил пришел в себя. Первым делом в голове мелькнуло: «Как там Сашка? Жив ли?»

Михаил разлепил глаза, опершись на локоть, привстал и огляделся. Что за чертовщина? Нет самолета, и Сашки нет. Вот поле, а самолета нет. Должен же быть след от скапотировавшего биплана!

Михаил встал, описал круг. Решительно ничего — никаких следов. Может, отполз в беспамятстве? Опять не то — не мог же он уползти на километр! На вынужденную посадку он шел в районе деревни Новохвостовичи. Речка там еще была — на запад от поля, на котором он так неудачно приземлился. Вроде — Рессета. Теперь вопрос: выходить к реке и по ней — к любой деревне или сидеть здесь и ждать, когда прилетит вертолет из Брянска? Но ведь прилететь он должен к самолету — с воздуха его можно быстро обнаружить, а «Аннушки»-то и не видно. Тогда надо идти. Любая река или линия электропередачи всегда выводят к жилью. Слава богу, он не в сибирской тайге.

Михаил отряхнул пыль с рубашки и брюк, с огорчением констатировав, что у рубашки оторван рукав. Хорошо, хоть пилотское свидетельство в кармане цело. Он посмотрел на солнце, определился на местности и направился на запад.

Впереди виднелся лесок — видел его Михаил с воздуха: аккуратно за ним — речка. Хоть попить да умыться можно будет.

Справа — метрах в двухстах — здорово грохнуло. Михаил обернулся: пыль, опадают комья земли.

«Похоже, взорвалось чего-то», — как-то отрешенно подумал он.

Через пару минут грохнуло еще, на этот раз — ближе. Михаил остановился, в душу закралась нехорошая мысль: «Может, поле заминировано? Мало ли, с войны осталось. Да нет, шестьдесят лет уж прошло, как война

закончилась, все уже убрали давно. И все-таки любопытно — что это было?» Михаил ускорил шаг.

Третий взрыв прозвучал сзади, когда до леса оставалось полсотни метров. На опушке зашевелились кусты, и кто-то крикнул:

— Ложись!

«Ага, я только пыль стряхнул с одежды — и опять пачкаться? И так на неряху похож», — подумал Михаил, подходя к опушке.

Из-за кустов поднялись двое солдат. Одеты они были в старую форму времен Отечественной войны: вместо погон — петлицы, на ногах — ботинки с обмотками, на плечах — винтовки-трехлинейки с примкнутыми штыками. «Наверное, любители какого-нибудь клуба реконструкции игрища свои проводят, — с облегчением подумал Михаил, — потому и взрывы были. Сейчас хоть дорожку узнаю — на аэродром звонить надо».

— Ты кто такой? — настороженно спросил один из солдат.

— Летчик я. Самолет мой на вынужденную посадку вон там сел — мотор сдох.

Солдаты переглянулись.

— Не было никакого самолета.

— Проспали небось, бойцы, — усмехнулся Михаил. — Мне бы в деревню или к начальству вашему, в авиаотряд сообщить надо.

— Документы предъяви.

— Вы что, менты, что ли? Чего ради я вам документы свои показывать должен? — обозлился Михаил.

— Так, не хочет. Самолета мы и в самом деле в глаза не видели, а вот парашютист был. Далековато, правда, но мы видели.

Солдат стянул с плеча винтовку, уставил штык на Михаила:

— Парашютист?

Михаил вспомнил свои молодые годы.

— Занимался немного, было.

— Ага, сам сознался! Шлепнуть тебя на месте надо!

Солдат передернул затвор.

— Ребята, вы уже переигрываете! — не на шутку испугался Михаил. — Ведите к командиру.

— Руки вверх! — заорал солдат.

— Да вы что, сбрендили?!

— Фашист! Гнида немецкая! Где остальные парашютисты?

Михаил подумал, что у парня не все в порядке с головой.

— Парни, вот мое пилотское свидетельство. Смотрите сами — какой же я немец?

Михаил полез в карман за свидетельством.

— Руки вверх! — опять заорал солдат.

— Да не пошел бы ты...

— Сейчас стрельну!

Михаил не воспринял угрозы всерьез и шагнул в сторону. «Ну их, этих придурочных, сам дорогу найду». Однако солдат выстрелил, и причем не холостым, как положено на реконструкциях сражений, а самым что ни на есть боевым. Пуля ударила в деревце рядом, оторвав щепку. Так и убить могут!

Михаил рванул вдоль опушки и нырнул в лес.

Сзади раздалось еще два выстрела.

Михаил бежал вперед, держа взятое направление — на запад. Пробежал метров триста, остановился, переводя дыхание. «Совсем ошалели, придурки, по мирным гражданам боевыми патронами палят! Ну подождите, выберусь отсюда — сразу в милицию или в прокуратуру сообщу, взгреют вас по первое число».

Впереди, среди деревьев, блеснула вода. Добрался-таки до реки. Теперь надо определиться — идти по течению вверх или вниз? Жалко, планшет с картой в кабине остался — насколько проще сейчас было бы.

Михаил спустился к воде, умылся, попил свежей воды. Хотя бы жажду утолить. Почему-то хотелось есть, хотя времени после завтрака прошло совсем немного — часа три. Михаил посмотрел на солнце — оно стояло в зените. Нет, пожалуй, не три часа, побольше.

С западной стороны послышался гул мотора, и мотора авиационного — Михаил не мог спутать. Он вскочил, расстегнул пуговицы на рубашке. Если самолет будет низко, можно сорвать рубашку и размахивать ею, пытаюсь привлечь внимание летчика.

Из-за леса на противоположном берегу реки вынырнул самолет. Шел он низко — метров двести, прямым курсом на Михаила. Только силуэт его не напоминал ни одного двухмоторника — ни Ли-2, ни Ан-24, ни Ил-14.

Самолет довольно быстро оказался над Михаилом, и он четко увидел кресты на крыльях и фюзеляже. Точно такой же силуэт он видел на схемах и фото в книгах. Это был «Юнкерс-88».

Через минуту «юнкерс» скрылся, а из-за леса вынырнул еще один, потом — еще... Михаил механически их сосчитал — девять штук. Что за бред? Может, все во круг — галлюцинации? Может, на самом деле он лежит в больнице с разбитой головой и это все ему кажется?

Михаил ущипнул себя за руку. А, больно! Стало быть, это не во сне, иначе бы он проснулся. Во сне не чувствуешь боли, даже если видишь кошмар. Тогда, может, кто-нибудь объяснит, что происходит? Если была бы война, то самолеты были бы, скорее всего, стран НАТО — английские, американские, немецкие; и не винтовые, а реактивные, и уж точно не «юнкерсы».

В душе Михаила возникло нехорошее ощущение, понимание того, что все вокруг — жестокая реальность, только вот время не его. Похоже, действительно война, но ведь она шла шестьдесят лет назад!

Михаил плюхнулся на землю. Пришедшее понимание происходящего шокировало. А как же теперь Москва, Витька Селезнев, большие самолеты? Нет, в другое время Михаил не хотел. Только как теперь вернуться? Может, все-таки поискать разбитую «Аннушку»? А те солдатики? Опять в него стрелять будут?

Михаил медленно осознавал весь ужас происходящего. Документов этого времени нет, денег нет, дома нет, работы нет, и друзей тоже нет. Хотелось завывать волком.

Какое-то время Михаил сидел в ступоре, потом стал размышлять. Дома, документов, работы сейчас нет не только у него — у многих ситуация такая же. Но они хотя бы знают, где был их дом, где и кем они работали, и при расспросах могут хотя бы рассказать правдиво.

Вернуться в свое время он не может, потому как не знает, осуществимо ли это. Значит, надо приспособливаться к данным обстоятельствам и выживать. И для начала хорошо бы узнать, где он находится и какой сейчас год и месяц. А потому — надо искать людей, только быть осторожнее. Давешний солдатик выстрелил и промазал, а другой может и попасть.

Михаил встал, застегнул рубашку, привычным движением проверил карманы. Из правого кармана брюк достал пилотское свидетельство. Медленно, уже зная в душе, как он с ним поступит, раскрыл. Взгляд наткнулся на дату выдачи: 1990 год. Михаил горько усмехнулся про себя: «Идиот! И я его предлагал патрульным! Согласись они посмотреть мои документы — где бы я сейчас был?»

Выбрав место, где земля показалась ему помягче, он выкопал ямку, бережно уложил туда свое свидетельство

и засыпал сухой, прогретой летним солнцем землей. Все! Теперь он — как все, во всяком случае — как большинство.

Но что же дальше? Пожалуй, надо двигаться вдоль реки и при встрече с людьми понаблюдать — кто такие? Об НКВД Михаил много чего читал, когда в период разгула «демократии» пооткрывали архивы и газеты печатали про весь кошмар, происходивший в тридцать седьмом году и позже.

Михаил шел, стараясь скрываться за кустами и деревьями. В армии он не служил, но, будучи курсантом, нес караульную службу и азы воинского дела знал. По крайней мере, стрелять из «калашников» мог. Только вот нет сейчас «калашников», как и много чего другого.

Где-то недалеко заблел коза. Михаил остановился. Раз есть коза, значит, рядом будут люди.

Так и оказалось. Когда он, пригибаясь за кустами, вышел к полянке, то увидел деда, приглядывающего за двумя пасущимися козами. Дед был стар и не вооружен, лишь палка в руке.

Михаил кашлянул, чтобы не напугать неожиданным появлением селянина.

Дед резво обернулся. Из-под надвинутой на лоб кепки выжидающе смотрели на Михаила бесцветные от старости глаза.

— Добрый день, — поздоровался летчик.

— Здравствуй, коль не шутишь, — ответил дед.

— Заплутал я немного, батя. Какая деревня рядом?

— Какая всегда была — Еловцы.

— А река?

— Так Сож.

Что-то названия Михаилу были незнакомы.

— А Брянск где?

Дед махнул рукой на юго-восток. Михаил совсем запутался.

— А деревня ваша Еловцы — какой области?

— Смоленской.

— Дед, год какой сейчас?

— Да ты никак не в себе, контуженный?

— Нет, батя, летчик я. Упал с самолетом, ни хрена не помню.

— А, это бывает. Меня в Первую мировую контузило — снаряд немецкий перед моим бруствером разорвался, — так я оглох на неделю. Само потом прошло. И у тебя пройдет.

— День-то какой? — настойчиво напомнил Михаил.

— Девятое июля тысяча девятьсот сорок первого года.

Уж восемнадцатый день, как война идет.

Сердце у Михаила упало. И в самом деле — занесло его во времена тяжкие, годину лихую.

— Наши где?

— Это какие? — Дед хитро прищурился.

— Ты не кружи, дед, — я наш, русский.

— Вчерась объявили — немцы взяли Борщев, Опочку, а сегодня наши оставили Житомир.

— Ничего себе!

— Ты что, в самом деле ничего не помнишь?

— Какой мне смысл тебе врать?

— И верно — что я тебе сделать могу? А что это у тебя за форма такая? Летчиков живьем я, правда, не видал. Но на фотографиях в газетах сталинские соколы в регланах кожаных, с портупеей. У тебя же рубашка рваная и оружия нету.

— Какой, к черту, реглан в июле? Это же плащ, его осенью носят.

— А! — удивился дед.

Мысли в голове у Михаила путались. Самое начало войны, немцы прут на Москву, многие наши части разбиты, отступают. Много техники потеряно, неразбериха. Вот, пожалуй, и все, что он мог припомнить о первых днях войны. И похоже, выглядит он не по-военному, раз даже дед засомневался. А про то, что парашютистом был, вообще молчать надо. Примут за немецкого диверсанта — и шлепнут.

— Дедушка, поесть ничего нет?

— Есть немного.

Дед достал из узелка кусок ржаного хлеба, вареную картофелину, вареное яйцо и луковицу. Расстелил узелок на пеньке.

— Усаживайся.

Михаил с жадностью набросился на еду. Такое ощущение, что неделю не ел. Дед внимательно смотрел.

— Ешь жадно, вроде как давно не ел. А лицо брито на чисто. Как так?

— Перед полетом брился, а покушать не успел — вылет срочный, по тревоге.

— Вона как.

Михаил подчистил бережно — все до последней крошки, стряхнул платок и вернул его деду.

— Спасибо, батя. Так где наши? Часть свою искать пойду.

— Сейчас куда ни пойдешь — всенепременно на какую-нибудь часть и наткнешься. Туда то на машинах едут, то пешими идут. Иди к деревне — военных уж всяко встретишь. Вот по этой тропке и ступай.

Дед показал палкой направление.

— Прощай, батя.

— Тебе удачи — летунов, значит, своих найти.

Михаил пошел по тропинке и вскоре вышел к деревне в десяток домов-изб. И почти сразу огорчился: к деревне

не подходили столбы — стало быть, электричества и телефона здесь не было.

Он встал за кустами жимолости и начал наблюдать за деревней. Вроде тихо. Людей не видно, только куры роются в пыли да поросенок иногда хрюкает у кого-то на заднем дворе.

Михаил уж было решил подойти к ближайшей избе, как услышал тарахтящий звук. На лесной дороге с противоположной стороны деревни показались два мотоцикла с колясками. Один остановился на околице, другой въехал на единственную деревенскую улицу и встал посередине. Из коляски не спеша вылез мотоциклист. Михаил чуть не вскрикнул: «Немец! Настоящий немец!» Фашист был рослый, в стальном угловатом шлеме, в серой пропыленной форме, с пистолетом на поясном ремне. Вот дела!

Пригнувшись, Михаил бросился в лес, прикрываясь кустами жимолости.

Почувствовав себя в безопасности, он остановился и осмотрелся: тропинка, которая вела к опушке леса, была знакома. Михаил направился по ней к деду.

— Слушай, дед! Ты что же мне не сказал, что в деревне немцы?!

— Какие немцы? Не было там никаких немцев!

— Сейчас только видел, своими глазами.

— Быть такого не может! Про Смоленск в сводках ничего не говорили.

— Дело твое: я тебя предупредил.

Михаил вновь направился в глубь леса. Если немцы здесь — то, скорее всего, разведка. В лес они не полезут: им для прохода техники дороги нужны. Эх, пулемет бы сейчас, а у него из оружия — ничего. И ситуация скользкая. Наши солдаты его за парашютиста приняли, а немцы, если поймают, в лучшем случае в плен возьмут, а в

худшем... О худшем думать не хотелось. Вот блин! Он на своей земле, а как загнанный заяц по лесам бегают, ото всех скрываясь.

Все-таки надо выходить к своим войскам. Хорошо еще знать бы, где свои.

Высоко в небе, с левой стороны, раздался гул моторов. Михаил запрокинул голову. На высоте около тысячи метров за нашим истребителем гнался «мессер». Ме-109 догонял «ишачка», как прозвали поликарповский И-16. Раздался едва различимый треск пулеметно-пушечной очереди. Наш И-16 задымил, заложил левый вираж и начал терять высоту.

— Прыгай! — заорал Михаил.

Летчик как будто бы услышал его. От истребителя отделилась крохотная фигурка, и почти сразу же раскрылся купол парашюта.

— Молодца! — одобрил Михаил.

Но «мессер» не удовлетворился сбитым самолетом. Он развернулся и направился к парашютисту. Михаил вновь услышал треск очереди.

— Вот сволочь! — выругался он.

Руки летчика, до того державшие стропы, безжизненно упали. Немец на «мессере» развернулся, добавил газу и, набирая высоту, ушел.

— Скотина немецкая! — выразил свое отношение к происшедшему Михаил.

Парашют несло немного в сторону. Михаил бросился бежать к месту приземления парашютиста. Тот упал раньше, чем Михаил добежал до него. Купол парашюта повис на дереве, но тело летчика лежало на земле. Михаилу одного взгляда хватило, чтобы понять — летчик мертв. Низ живота и ноги были искромсаны немецкой очередью, а обмундирование, вперемешку с ключьями мышц и костями, залито кровью. Но, подбежав, Михаил все-та-

ки попытался найти пульс. Однако летчик не дышал, и пульс не прощупывался.

Что теперь делать? Хоронить его? Лопаты нет. Нести его на себе к своим? Так где свои?

Михаил расстегнул подвеску парашюта, снял ремень с пистолетом и надел его на себя. Расстегнув темно-синюю тужурку, достал документы — удостоверение личности, комсомольский билет, еще какие-то бумаги. Все переложил себе в карман.

Вдали послышался треск мотоциклетных моторов. Он явно приближался. Ага, немцы тоже видели воздушный бой и теперь искали сбитого летчика.

Михаил стянул с летчика тужурку, летный шлем с очками и бросился убежать. Метров через сто наткнулся на заросшую бурьяном канаву, упал в нее и затаился.

Треск моторов стих возле тела убитого летчика. До Михаила едва доносилась невнятная речь. Потом моторы взревели, и немцы уехали.

Выждав немного, Михаил вернулся к месту падения летчика. Но ни парашюта, ни тела не нашел. «С собой увезли. Но зачем?»

Михаил вернулся к канаве, уселся на ее край и достал документы убитого летчика. С командирского удостоверения на него глядело молодое лицо. Видимо, фото было сделано давно. Наяву погибший летчик выглядел старше. «Так, почитаем: Борисов Сергей Иванович, 1918 года рождения». Надо же, Сергей был младше его самого на год. Воинское звание: старшина. Войсковая часть — 8-й истребительный авиаполк 38-й истребительной авиадивизии. Внизу — печать и подпись командира: Я. А. Курбатов.

Комсомольский билет был выдан Забайкальским райкомом комсомола в 1936 году. Вещевой и продовольственный аттестаты, какие-то второстепенные бума-

ги... Михаил сунул документы в карман. «Как выйду к своим, расскажу о гибели летчика и сдам документы», — решил он.

Теперь надо осмотреть пистолет.

Михаил вытащил его из кобуры. Это был ТТ 1935 года выпуска, серийный номер 7057. Михаил первый раз держал в руках легендарный пистолет.

Вытащив магазин, он передернул затвор, прицелился в дерево и нажал спуск. Сухо шелкнул курок. Михаил вставил магазин в рукоятку и сунул пистолет в кобуру. Он почувствовал себя увереннее. Оружие вселило в него ощущение некоторой защищенности.

Он натянул на себя тужурку, снятую с убитого пилота, надел шлем. Теперь, по крайней мере внешне, он выглядел как летчик ВВС РККА¹.

Надо выбираться из леса и топать к своим. Коли уж угораздило попасть сюда, в другое время, то не в лесу же отсиживаться. Надо жить, бороться с врагом. С одной стороны, даже интересно — невзначай оказался в самой гуще событий, да еще каких! Михаил вдруг поймал себя на мысли, что он до сих пор до конца не верит в реальность происходящего с ним. А ведь он может погибнуть так же легко и обыденно, как и неведомый ему Борисов Сергей.

Шел долго, обходя деревни. Если слышал гул моторов на дороге, выжидал, пока он стихнет. В таком массовом количестве, да еще колоннами, идти мог только враг.

Михаил вышел на лесную дорогу, посмотрел в обе стороны. Никого. Перебежал грунтовку. Недалеко журчал ручеек. Михаил и сунулся напиться. А в десяти метрах мотоцикл немецкий стоит, BMW — марку он сразу распознал по фирменному значку на бензобаке. В ручье, в са-

---

¹ ВВС РККА — Военно-воздушные силы Рабоче-крестьянской Красной армии.

погах и брюках галифе, но раздетый по пояс, стоял немец. Френч и пилотка лежали на запасном колесе коляски.

Оба заметили друг друга одновременно.

Михаил стал вытаскивать ставшей вдруг непослушной рукой пистолет, а немец тянулся к мотоциклу. Михаил все-таки сумел первым вырвать из кирзовой кобуры пистолет и передернул затвор.

Немцу же не повезло. Выбираясь из ручья, он поскользнулся на илистом берегу, упал, вскочил, дав Михаилу спасительную секунду. Пилот поднял пистолет, поймал немца на мушку и нажал спуск. Грохнул выстрел. Пистолет подбросило, уши заложило.

Немец схватился рукой за бок, покачнулся. Михаил выстрелил еще раз. Куда он попал, увидеть не удалось. Немец навзничь рухнул в ручей.

Попил водицы, называется! Михаил огляделся. Кто его знает — вдруг немец не один? Сослуживец его мог и отойти в кустики по нужде. Но нет, тихо, лишь галдят напуганные выстрелом птицы.

Михаил, держа в руке пистолет, вернулся к месту такой короткой схватки. Тело немца почти скрылось под водой.

Михаил вытер вспотевший лоб рукавом, осторожно, придерживая большим пальцем, спустил курок с боевого взвода, сунул пистолет в кобуру. Что немцу понадобилось на лесной дороге? Или это был разведчик? Тогда почему он один? Связной с донесением? Теперь он уже этого никогда не узнает — планшет вместе с гитлеровцем остался на дне ручья.

Надо осмотреть мотоцикл. Раз немец к нему рвался, то оружие там точно есть. На коляске — пулемет, но зачем ему тащить такую тяжесть?

В самом деле, на руле висел автомат МР-40. Видел Михаил такие в кино. Он отщелкнул магазин. Масляно заблестели патроны. Полон магазин — это хорошо.

Михаил попробовал несколько раз взвести затвор и нажать спуск. Потом присоединил магазин и заглянул в мотоцикл. На сиденье валялся подсумок с четырьмя запасными магазинами. Отлично, теперь можно и бой дать, коли придется.

Рядом на сиденье лежал ранец из телячьей кожи. Михаил уже было взялся за него, но остановился. Ему вдруг стало стыдно — вроде как мародерством занимается. Но потом он все-таки пересилил себя и расстегнул пряжку ремня на ранце. Не мародерство это — законный трофей.

В ранце оказалась фляжка, пачка галет и кружок полукопченой колбасы. От запаха ее слегка помутилось в голове — так хотелось есть. И плевать, что провизия вражеская, — не пропадать же добру. К тому же неизвестно, когда еще поест придется.

Чтобы не выпачкать брюки о траву, Михаил уселся на сиденье мотоцикла. Он с жадностью хрустел галетами, заедая их колбасой. Сальные руки вытер о тряпку, лежащую в коляске. Чтобы окончательно восстановить силы, решил глотнуть из фляжки. Открутил колпачок, нюхнул. Пахло спиртным. Сделал глоток, почувствовал, как обожгло горло. Крепкое пойло! Михаил перевел дух, глотнул еще раз. В животе растеклась приятная теплота.

Вздремнуть бы немного, да нельзя. День, он один; возьмут сонного, а может, сразу пристрелят.

Михаил перекинул автомат за спину, на ремень нацепил подсумок с запасными магазинами и фляжку. Надо идти дальше.

Он уже отошел на несколько шагов, как вдруг осенила мысль: «Мотоцикл стоит, а я пешком собрался! На колесах ведь быстрее доберусь. И потом, мотоцикл — не машина, между деревьями пройдет. А если на дороге немцы будут, то их и объехать можно».

Михаил вернулся к мотоциклу. Ключ торчал в замке зажигания.

Пилот нажал ключ, ногой толкнул кикстартер. Мотор мягко зарокотал. Как человек понимающий, Михаил даже языком цокнул. Сделан и отрегулирован двигатель был великолепно.

Усевшись в седло, он выжал рукой сцепление. А как тут передачи включаются? Справа из коробки передач торчал рычаг — ну прямо как на автомашинах. Пилот пригляделся. На набалдашнике ручки — полустертая схема. Ага, теперь понятно.

Михаил включил первую передачу, отпустил сцепление, поддал газку. Мотоцикл мягко тронулся с места. Тянуло немецкое изделие мощно и ровно. Пилот переключился на вторую передачу, третью... В лицо бил ветер, выжимая слезы. Михаил остановился, натянул летный шлем, снятый с убитого летчика, опустил на глаза летные очки. Вот так-то лучше!

Мотоцикл глотал километр за километром. Михаил радовался, что едет: пешком идти пришлось бы гораздо дольше. Что солнце справа, спохватился не сразу. Тьфу ты, выходит, что он все время на юг ехал! Надо на ближайшей развилке налево поворачивать — наши войска должны быть на востоке.

Он повернул на первом же перекрестке. Теперь хорошо бы узнать, где он находится и где части Красной армии. Надо искать деревню, даже если она будет в стороне.

Михаил посмотрел на часы — шестнадцать. В училище его четко приучили: не восемь вечера, а двадцать часов. В этих краях темнеет поздно, тем более в поле, — значит, часов шесть у него точно есть. Наверное, к этому времени он уже будет у своих.

Михаил задумался: а как же он станет переходить линию фронта? На мотоцикле же не проедешь.

Размышления его были прерваны внезапным ревом мотора. Совсем низко — буквально в ста метрах над его головой — прошел взлетающий «мессер». От неожиданности Михаил резко — до юза — затормозил. То, что немецкий истребитель взлетал, пилоту было ясно с первого взгляда. Шасси выпущены, закрылки в положении взлета, мотор ревет на форсаже, оставляя дымный след. Опана! — в задумчивости он едва не въехал на немецкий аэродром.

Михаил свернул с дороги в лесок, остановился и заглушил мотоцикл. Взяв автомат, он крадучись пошел в сторону аэродрома. После недолгих поисков нашел подходящее место и залег на опушке. Эх, бинокль бы сюда!

Аэродром был полевым, взлетно-посадочная полоса — грунтовой. Около десятка истребителей «Мессершмитт-109Е» были замаскированы сеткой. «Не больше эскадрильи, — определил Михаил, — и ведь близко к линии фронта. Не иначе — аэродром подскока». Это когда одна из эскадрилий или даже звено авиаполка базируется в непосредственной — километрах десяти—пятнадцати — близости от передовой. Своего рода стервятники, сидят в засаде, а когда самолеты неприятеля возвращаются с боевого задания, израсходовав боекомплект и топливо, они их сбивают. Неплохо придумали, сволочи!

Михаил почувствовал желание им напакостить, и такое отчаянное — даже руки зачесались.

Присмотревшись, он увидел, что в дальнем углу аэродрома сложены бочки с горючим, рядом с которыми ходит часовая. Ближе к лесу, где расположился Михаил, под маскировочной сетью сложены штабеля ящиков, ве-

роятнее всего — с боеприпасами. Ведь расход боеприпасов одного истребителя, нашего или немецкого, довольно велик.

На опушке леса, среди деревьев, спрячутся две большие брезентовые палатки — наверняка командование эскадрильей.

Михаил провел на опушке около часа, изучая расположение, распорядок и численность состава аэродрома. В голове его созрел весьма дерзкий по замыслу, но отнюдь не безрассудный план.

Надо въехать в расположение аэродрома. Сделать это будет легко: аэродром не огорожен. Единственная помеха — часовые по периметру. Но поскольку аэродром не стационарный, вышек охраны с пулеметами нет.

Выехав на середину, в первую очередь расстрелять из пулемета, что на коляске мотоцикла, бочки с топливом. Этим самолеты сразу лишатся возможности подняться в воздух, а если повезет, то пламя перекинется и на них.

Во вторую очередь — расстрелять из пулемета летчиков. Без пилотов самолеты — груда железа. Причем надо подгадать момент, когда летчики еще не успеют разбежаться по кабинам. Вероятность этого велика: полученные приказа или посещение столовой.

От обстрела самих истребителей Михаил сразу отказался. Бронестенка и бронеспинка не позволят повредить кабину, а дырки в фюзеляже или оперении механики быстро залатают. Ведь у него не пушка, а обычный пехотный МГ-34 калибра 7,92 мм. Для серьезного урона истребителю — нечего и думать. К тому же пилота быстро не подготовишь, а самолеты сходят с конвейера десятками, если не сотнями. Ясно, стрелять по пилотам.

Итак, решено: нападению — быть. Теперь надо правильно выбрать время. Черт его знает, когда у немцев полеты, обеды и ужины! И наблюдать за расписанием работы аэродрома долго невозможно — могут случайно обнаружить.

Михаил вернулся к мотоциклу. Не заводя мотора, чтобы не услышал часовой, перекатил его на опушку леса. Теперь надо выбрать удачный момент — и можно нападать.

Михаил осмотрел пулемет. Лента полная, жалко только — одна; заправлена в лентоприемник. Оружие Второй мировой войны довольно просто, обращение с ним интуитивно понятно, и кто хоть раз держал в руках АК-47 или нечто подобное, управится и с другим оружием.

Чтобы было удобно, Михаил уселся в коляску мотоцикла, выкинув прочь ранец убитого немца, чтобы не мешал.

На аэродроме кипела обычная жизнь. Механики возились с моторами, заливали топливо в баки, вооруженцы укладывали пулеметные и пушечные ленты в короба.

Михаил сразу обратил внимание, что к одной из двух палаток потянулись летчики. Их сразу можно было узнать по планшетам с картами, болтающимся сбоку на длинных ремешках.

Пожалуй, пора! Трудно решиться, когда нет боевого опыта, когда ты один и неоткуда получить помощи и поддержки. Но надо! Есть такое слово, если ты мужчина, любишь свою страну и способен не только на то, чтобы пить пиво на диване.

Михаил перелез на сиденье мотоцикла, повесил на грудь трофейный автомат, ногой толкнул кикстартер. Мотор мягко зарокотал. Михаил выждал секунду, собрался с духом, глубоко вздохнул, как перед прыжком в воду, включил передачу и дал газ.